

Либеральная идея и Россия (пролегомены к концепции современного российского либерализма)

Вопрос о дееспособности (или недееспособности) либеральной идеи в современной России есть в конечном счете вопрос не о степени наличия у нее сходства с теми реальностями, которые обычно ассоциируются с зарождением, развитием, воспроизводством идеологии и практики либерализма в странах Запада. Это вопрос о способности найти и осуществить практические и духовные формы сопряжения свободы частного лица и общественного порядка в данных условиях места и времени, сколь бы "нетрадиционными" с точки зрения накопленного исторического опыта ни были элементы и параметры таких форм. Дееспособность либерализма определяется его функциональной способностью "справиться" с указанной проблемой, а не содержательным соответствием тем или иным образцам. Дееспособный либерализм всегда — в том числе и на Западе — есть успешный исторический *эксперимент*, не имеющий априорных, прецедентных или теоретических гарантий.

Наиболее глубокой и имеющей прямое методологическое отношение к России попыткой осмысления *начала* либерального порядка является концепция Гоббса. Ее урок: общественный порядок невозможен (т.е. невозможен выход из состояния "войны всех против всех"), если индивид остается только частным лицом, руководствующимся своими "аппетитами". Необходимое для такого порядка (включая структуру рынка) превращение эгоистических "аппетитов" в собственно экономические интересы, образующие системы взаимной полезности, предполагает либо редукцию частного лица к статусу политического "раба" (остающегося "свободным" хозяйствующим субъектом), либо возвышение его до роли "гражданина". Для самого Гоббса прагматически значимым было только первое решение.

Ни эксплицированные Гоббсом условия авторитарного решения проблемы сопряжения свободы частного лица и общественного порядка, ни подразумеваемые его позднейшими оппонентами условия либерально-конституционного и республиканско-гражданского решений ее (от "закона природы" Локка и "нравственных чувств" шотландских просветителей до "общей воли" Руссо) не имеют места в современной России. Ее специфика (в данном плане) — не в имманентной "чуждости" либерализму, а в том, что она вынуждена "додумывать" либеральный эксперимент с решением указанной проблемы до конца, проводить его в предельно чистом виде, без тех амортизаторов и подспорья, которые были в прошлом на Западе в виде унаследованных культурно-нравственных традиций, форм ассоциации людей "досовременного" типа, способов и моделей образования публичной сферы общественной жизни, характерных социально-экономических типажей (начиная со свободного мелкого собственника).

Российская антитоталитарная революция, если к произошедшему и происходящему у нас приложимо данное понятие, пронизана парадок-

сами. Один из них, лежащий на поверхности, заключается в следующем: явление, по масштабам своего исторического значения сопоставимое разве что с Великой французской революцией, сопровождалось удивительным интеллектуальным убожеством, отсутствием хоть сколько-нибудь оригинальных и политически эффективных идей.

Объективно либеральная направленность и настроенность массовых действий, опрокинувших советский коммунизм, которые развертывались под классическими лозунгами европейских революций прошлых веков — свободы и прав человека, равенства и народного суверенитета (что само по себе как феномен конца XX в. нуждается в глубоком теоретическом объяснении), получили жалкое идеологическое выражение со стороны отечественных "властителей дум". По большому счету сам характер антитоталитарной революции должен был бы сделать неуместными дальнейшие разговоры о чуждости российского менталитета либеральной идее. Однако отечественная интеллигенция, и прежде всего ее "властители дум", оказалась вопиюще неадекватной в политическом и идейном отношении развернувшимся процессам. И это один из важных факторов того, что широкая либеральная волна опрокинулась и разбилась, не успев дать, вынести на себе институциональных, конституционно-правовых, нравственных основ нового общества.

Теперь пишущая и маячащая на экранах интеллигенция пытается скрыть свою историческую вину рассуждениями об "объективности" и даже благотворности нынешней деидеологизации и деполитизации огромного большинства россиян. Это — интеллигенция, выдавшая сама себе "белый билет" в отношении своей прямой профессиональной, не говоря уж о гражданской, обязанности — теоретического познания того не решенного антитоталитарной революцией противоречия, которое погасило либеральную волну, и выработки идейных средств, способных служить политической мобилизации во имя его решения. Не идеология не нужна России — функциональная потребность в ней с точки зрения обеспечения политически эффективного действия велика, как никогда. России не нужна интеллигенция, не способная удовлетворить эту потребность и прячущая свое бессилие за словесами о неготовности народа к либерально-демократическим порядкам и холуйскими призывами нового авторитаризма.

Чем же характеризовалось идейное выражение либеральной волны в канун и в ходе антитоталитарной революции? Оставляя в стороне критическую часть, т.е. разоблачение тоталитаризма и развенчание марксизма (в чем с прагматической точки зрения либеральная интеллигенция весьма преуспела при слабости, а порой и гротескности теоретического содержания такой критики), формирующаяся либеральная идеология строилась вокруг трех ключевых представлений, в тех или иных формах и мерах, рационализируемых авторами. Данные представления в своей взаимосвязи образовывали своеобразный код этой идеологии.

Первое из них — "философско-историческое" — заключалось в том, что исход из коммунизма означает не что иное, как преодоление "особливости", навязанной России большевизмом, и становление ее такой, "как все", т.е., согласно афоризму Л. Баткина, превращение ее в "одну из западных стран", "возвращение на большак

мировой цивилизации"*. Ничего особенного, кроме слома коммунистического режима, а тем более оригинального для этого делать не нужно. Нужно просто позволить стране развиваться по "общим естественноисторическим законам", которые сами сделают свое дело**. Этот синтез позитивистского эволюционизма XIX в. с "естественноисторизмом" марксизма обусловил вульгарный прогрессизм и имитационный характер доминировавшей формы российского либерализма. Все это сделало невозможным тот дух эксперимента, о котором говорилось выше***.

Второе представление — "экономическое" — необходимо связано с первым. Поскольку, как полагают, "естественноисторические" законы демонстрируются, прежде всего, Западом, постольку напрашивается вывод, что они являются, во-первых, в своей сущности экономическими, во-вторых — универсальными. В том и другом — квинтэссенция вульгарного "экономизма". Проблема не в том, что его приверженцы вообще не видят "этнографического" и исторического своеобразия России. Но оно признается ими лишь в качестве фактора, корректирующего или "искажающего" *проявления* этих законов. Однако действительный вопрос заключается в другом: *что* — в культуре, общественной нравственности, институциональной организации общества и т.д. — вообще позволяет этим законам представать в качестве "естественноисторических"? Или, говоря языком Л.Альтюссера, *что* делает экономику, как определенную институциональную сферу общества, "доминирующим" и "детерминирующим" моментом в структурной организации социумов *известного типа*?****

Как бы ни относиться к концепции Альтюссера и его сторонников, а также к ходу колоссальной дискуссии, порожденной ею, ясно одно: тезис об универсальности и "базисности" в России продемонстрированных Западом экономических законов требует доказательства, что в России имеются те же (или аналогичные им по своему эффекту) нравственно-культурно-институциональные факторы, которые на Западе сделали экономику "базисной" сферой, а ее законы — естественноисторическими". Если же доказывать это невозможно, а формирование такой организации, в которой экономические законы выступают "естественноисторическими", остается целью, то главный упор реформаторских усилий должен быть сделан как раз на созда-

* Боткин Л. Как не повредить обустройству России? // Октябрь. 1991. № 4. С. 158

** Штенберг Б., Твардовская В. Завершился ли диалог? // Коммунист. 1990. № 18. С. 87.

*** У некоторых идеологов отечественного либерализма принципиальная установка на банальность выражалась с большим пафосом и приобретала значение едва ли не главного их методологического достоинства. Так, Л. Пияшева писала: "Никакой оригинальной теории, никакого нового экономического закона и изобретенного мной "авторского" рецепта перехода к рынку я не предлагаю. Моя программа — апробированный историей и выдержавший проверку на дееспособность добротный "английский" путь к "благополучию народов" — путь классического рыночного либерализма" (Пияшева Л. Реформа // Октябрь. 1991. № 1. С. 157). Разумеется, при этом нет даже отзвука дискуссий о политических, институциональных, нравственных условиях осуществления этого "пути", об этических посылках той же смитовской теории "бегства народов".

**** Althusser L. For Marx. — L. Penguin, 1969. С. 255; Althusser L. and Balibar E. Reading Capital. — L. New Left Books, 1970. P. 220—224.

ние, развитие, укрепление таких нравственно-культурно-институциональных факторов, делающих цель достижимой.

Однако подобные рассуждения оказались абсолютно чужды идеологии российского либерального реформаторства, построенного именно на вульгарном "экономизме". Уже после удара выборов 12 декабря, разрабатывая свой "новый (!) курс", Е. Гайдар как о позитиве своей прошлой деятельности писал: "Идеология реформы, которую мы начали в 1991 г.", строилась на том, чтобы "поднять страну не за счет напряжения всей мускулатуры государства, а как раз наоборот — благодаря расслаблению государственной узды, свертыванию государственных структур. Отход государства должен освободить пространство для органического развития экономики"*.

Трудно понять концептуально, но легко понять идеологически, почему вопрос о "напряжении мускулатуры государства" рассматривается только в отношении экономики, тогда как он должен был бы рассматриваться в отношении того, что может ее (как экономику "западного типа") создать и запустить, почему из ничто (отход государства) само собой должно возникнуть нечто (органическое развитие) и чем логически такое умозаключение отличается от осмеянного нашими доморощенными "демократами" пролетарского припева "кто был ничем, тот станет всем". Но этот вопрос остается совершенно риторическим, откуда сохраняется та парадигма отечественного либерального реформаторства, которую в свое время с потрясающей простотой выразил министр и видный член первой гайдаровской "команды" П. Авен: "Нет особых стран. С точки зрения экономиста, если экономика — это наука со своими законами, все страны в плане стабилизации о-ди-на-ко-вы"**.

Стабилизации чего — осталось за кадром.

Третье представление — "структурно-социологическое" и (как следствие и сторона того же) "политико-идеологическое". Схематично его можно выразить следующим образом: если "естественноисторическим" законом не мешать, то, сами собой формируя рынок, они тем самым (поскольку они "базисны") будут создавать "соответствующую" социальную структуру общества. Структура (ибо законы универсально о-ди-на-ко-вы) окажется в принципе ("со временем") схожей с социальной структурой западных обществ. Поскольку же эти общества являются демократическими, таковой будет и Россия. Это и есть линейнооднонаправленная каузальная связь экономических и политических изменений, легшая в основу практического курса реформ и сделавшая экономику (несколько парадоксально с точки зрения установки на "уход" и "свертывание" государства) абсолютным приоритетом государственной деятельности.

Связь же изложенного "структурно-социологического" представления с "политико-идеологическим" заключается в следующем. Если "естественноисторические" законы действуют автоматически и спонтанно, и главное — им не мешать, то роль идеологии (как в лучшем случае излишней с точки зрения их действия, а в худшем — искажающей его) должна быть минимизирована и в идеале совсем упразднена. Блестящее, хотя и деревянно-прямолинейное выражение этой связи дал вид-

* Гайдар Е. Новый курс // Известия, 1904.10 февраля. С. 4.

** Независимая газета. 1992. 27 февраля.

ный петербургский социолог и знаток общественного мнения Л.Кесельман буквально за сутки до выборов 12 декабря (во что даже трудно поверить) в статье под характерным названием "Страна брошена? Да. В нормальную жизнь": "Идеологическое" обеспечение реформ — это просто прилавки магазинов, начиная с Елисеевского и кончая самой окраинной торговой точкой, а не измышления журналистов...".*

Нужно сказать, что не все "властители дум" в рассматриваемый период разделяли простодушное представление о линейной связи рыночных и демократических изменений. Некоторые из них полагали, что переход от тоталитаризма к демократии будет необходимым образом опосредован *авторитаризмом*, главной функцией которого окажется именно формирование рынка**. Примечательно, что к схожему выводу все более определенно склонялись и практики рыночной реформы, далекие от отвлеченных политологических размышлений***.

В связи с нашей темой эта точка зрения интересна лишь в трех отношениях — как раз тех, которые не были эксплицированы ее выразителями: а) осужденность "авторитарного проекта" в реальных социокультурных условиях современной России; б) ее противоположность *сущности* "либерального проекта" и его базовой методологии; в) необоснованности того, что авторитарный режим, паки он возможен, *должен* будет "работать" на рыночную реформу.

Первое. Описанный создателями данной концепции авторитарный режим может, "по определению", иметь основанием своей легитимности только собственную эффективность по внедрению рыночных начал (если бы рынок — в рамках данного подхода — не противоречил другим основаниям легитимности, и прежде всего восприятию справедливости, то режиму вообще нет надобности быть авторитарным). Рыночное основание легитимности, дабы обеспечивать хоть какую-то стабильность режима, должно быть способным отсечь на второй план общественного внимания или вообще снимать с публичной "повестки дня" другие вопросы, порождающие дискуссии и конфликты. Именно для такого режима в высшей мере актуальной становится деполитизация и деидеологизация общественной жизни, та политическая максима, которую сформулировал М. Фридмен -относительно любого общества с "базисной" (структурообразующей) ролью экономики: "Чем меньше тем, по которым требуется согласие, тем больше вероятность согласия при сохранении свободного общества"****.

Но проблема в том, что такой подход предполагает локализацию конфликтности и замыкание общественной дискуссии на уровне рас-

* Известия, 1993. 11 декабря.

** Пожалуй, наиболее известным и получившим широкий резонанс представлением данной точки зрения стала публикация И. Клямкина и А. Миграняна "Нужна "железная рука"?" (Литературная газета. 1989. 16 августа).

*** Одним из ранних и ярких примеров таких рассуждений стало заключение Е.Котовой о необходимости авторитарного лидера для проведения "правильной" (!), т.е. "капиталообразующей" приватизации, который "станет на единственно возможный путь ускорения этого по природе своей жесткого и несправедливого процесса, а именно на путь неизбежного подавления недовольства народа.." (Независимая газета. 1992. 27 марта).

**** *Friedman M. Capitalism and Freedom. // Chicago. Univ. of Chicago Press. 1962. С 24.*

предела ресурсам и абстрагирование от уровней определения, кто есть "мы" и каковы базисные процедуры жизнедеятельности этого "мы" (о чем речь шла выше). Однако для России сейчас такое абстрагирование совершенно невозможно. Элитарные попытки абстрагироваться от всего этого путем искусственного введения базисных процедур методами пактов об "общественном согласии" неизбежно не адекватны ситуации, поскольку эти процедуры тут же становятся предметом торга с позиций тех же частных интересов (что уже наглядно продемонстрировали В. Жириновский и другие). Меж тем неопределенность на уровне идентичности "мы" и базисных процедур делает невозможной легитимацию режима через его эффективность в отношении рынка: он просто не может действовать эффективно в рыночной реформе, пока сохраняется указанная неопределенность.

Это означает, что даже стремясь к авторитарному решению проблемы рыночной реформы (а такое стремление само по себе проблематично), режим, обнаруживая впечатляющую "способность оставаться", не может авторитарно институционализироваться. Используя классическую формулировку Х. Линца (созданную на латиноамериканском материале), можно сказать, что возникает "авторитарная ситуация", но не авторитарный режим, что совсем не одно и то же*. "Железная рука" для России оказывается маловероятной, если ее дело — формирование рынка. Но это еще не говорит о невероятности *другой* "железной руки", не ищущей легитимности в эффективном проведении рыночной реформы.

Второе. Представление о ключевой роли авторитарного режима в формировании и "запуске" рынка не только противоречит самим основам либерального мировоззрения, но выбивает из его рук полемическое оружие, использованное им ранее против марксизма и любых концепций "сознательно-плановой" организации общественной жизни. Ведь для либерализма — и прежде всего для экономического либерализма, который идеологически доминировал в России в рассматриваемый период, — рынок есть, "по определению" (Хайека, Мизеса, Фридмена и т. д.), *спонтанно* сложившийся порядок.

Возможность авторитарного режима "формовать" рынок (скажем, *производить* посредством ваучеризации собственников) предполагает обладание им такими знаниями и методами деятельности, в которых было принципиально отказано коммунистическому (и любому другому) государству. Если принципиальность такого отказа устраняется, и ими все же можно так или иначе овладеть, то критика коммунизма смещается в совершенно другую плоскость, в которой преимущество либерализма отнюдь не очевидно. В этом случае вполне допустимо (вновь!) рассуждать о провале *данной* попытки коммунизма, предполагая возможность более совершенной новой попытки, т.е. выдвигать альтернативой ленинизму и сталинизму не либерализм, а "демократический социализм".

Исходя из этого (интуитивно или осознанно) либеральные оппоненты отечественных "авторитаристов" попытались эклектически

---

* *Linz J.J. The Future of the Authoritarian Situation // Authoritarian Brazil. Ed. by A. Stephen. — New Haven. Yale Univ. Press. 1973.*

соединить и принципиальный тезис о спонтанности рыночно-экономического развития, и представление об инициативно-реформаторской роли государства. Последняя была категорически необходима (еще один парадокс) как раз по идеологическим причинам: ведь острые либеральной критики советского тоталитаризма было направлено именно на то, что он в результате полного огосударствления общества уничтожил все социальные субъекты, способные к самостоятельности (в том числе и экономической). Поэтому *никаких* субъектов реформ — по крайней мере, на начальном ее этапе, — кроме того же государства, нельзя себе и представить*.

В итоге получилось (в варианте Баткина) следующее: "Создать новую экономику тяжело, но все же легче, чем думают многие, потому что *требуется не столько "создавать" ее, сколько разрешить*. Но для этого действительно необходим *очень мощный, радикальный государственный стартовый толчок*, а для этого — *сильная власть...* Однако почему демократическая власть не может быть сильной?"** (Курсив мой. — Б.К.)

Зачем нужно мощно (да и вообще как-либо) толкать то, что для (само-) развития нуждается лишь в разрешении? Почему для простого разрешения нужна сильная (демократическая или иная) власть? Возможно, она нужна для того, чтобы сломить сопротивление некоторых сил, мощных настолько, что они способны заглушить "естественное" развитие рыночных начал даже в условиях полученного ими разрешения? Но тогда, что "естественного" в таком развитии, если оно прямо обусловлено социально-политическими обстоятельствами, причем независимыми от государства, которое предполагается приверженным поддержке и защите рынка? Разве не необходимостью слома такого сопротивления объясняли роль "железной руки" при переходе к рынку наши "авторитаристы"?

Единственная логически допустимая возможность отстоять демократическую перспективу при переходе к рынку — выявить наличие достаточно мощных общественных групп, поддерживающих такую стратегию реформ. Но, во-первых, постулаты идеологической критики тоталитаризма заставляют отрицать их наличие. Во-вторых, откуда, вообще, они могут появиться на начальном этапе реформ? Из тех самых "низовых демократических сил", которые, как пишет Баткин, "только что... появились словно из-под земли, зеленые, пока еще слабые..."**? Но, с одной стороны, они действительно слишком слабые, чтобы справиться со структурированными силами сопротивления переходу к рынку. С другой стороны, почему эти "низовые силы" должны быть обязательно "прорыночными", а не демократическими и анти- или хотя бы "нерыночными"? Почему они не могут демонстрировать именно то сочетание ориентаций, которое было характерно для основной части "низового движения" на Западе в XIX в. и из-за которого самые прорыночные либералы

* Разумеется, само по себе видение советского общества как тоталитарного монолита, живущего по законам централизованного планирования, является убогой мифологией, впрочем, вошедшей в стратегический арсенал отечественного либерализма.

** *Баткин Л.* Мертвый хватает живого // Литературная газета. 1989. 20 сентября.

*** Там же. С. 10.

там и тогда до последнего отстаивали имущественный и прочие избирательные цензы, откровенно направленные *против* участия демократических "низов" в политической жизни?

Кроме того, что и как нужно сделать для того, чтобы эти зеленые движущиеся ростки, даже если их не раздавит каток рыночной реформы, как это реально произошло в России, могли бы перейти в состояние дееспособных политических формаций, реально влияющих на принятие общественно значимых решений? Ничего спонтанного тут нет и не бывало никогда. Что же касается расхожих в российском либерализме установок на деполитизацию и деидеологизацию масс при комически неадекватном понимании условий и силовых полей реальной общественной борьбы, то все это в прямом смысле *контрпродуктивно* для решения данной задачи.

Наконец, последнее. Либеральные оппоненты "авторитаристов" исходили из того, что "в стране нет таких достаточно влиятельных социальных слоев, которые были бы кровно заинтересованы в авторитарной модели и готовы немедленно послужить массовой опорой для "вождя"*". Разве что старый госпартаппарат, еще влиятельный, но уже дряхлый. Осилить его "естественно" растущим рыночно-демократическим силам представлялось вполне реальным делом. Шел 1989-й год.

В 1994 г. В. Жириновский точно указал на такой слой, точно наименовал его и точно выразил его программу. Это — "молодые волки"**". Они выросли именно "естественно-спонтанным" путем, как о том мечталось российским либералам, пройдя путь от мелкой фарцовки до солидных фирм. Они — никак не "пролетарская партия". Они за такой размах приватизации всего и вся — вплоть до природных ресурсов и основных средств производства, — какой превосходит даже фантазии "обвальной приватизации" самых патентованных либералов. Причем все это — в самом капиталистическом варианте ("есть деньги — подходи, покупай завод,,"), а не с "народолюбивой" чубайсовской стыдливостью. Да, они за внешнюю экспансию, однако не ради мистического державного величия, а по самым прагматическим обывательским мотивам частного интереса, на который такую ставку делал российский либерализм, но который *реально* экономически рыночными методами еще долго удовлетворить будет нельзя, учитывая неизбежные и долгие тяготы "переходного периода", а это сделать нужно, если он, и *только он*, этот самый частный интерес кладется в фундамент легитимации режима. Да, они за распределительные функции государства, за гарантированную подкормку обездоленных, имеющую явный смысл корпоративного патронажа. Но это опять же — лишь реалистический учет необходимого условия предотвращения смуты для формирования власти частного капитала в кризисной России, о котором мало и столь поверхностно думали наши мечтательные патентованные либералы. Они за сохранение мощного, но подконтрольного им чиновничества, ибо — и это еще один момент реализма — они понимают, что без такого союзника авторитарно-

---

* Боткин Л. Мертвый хватает живого // Литературная газета. 1989. 20 сентября.

** Жириновский В. О собирательной роли России и молодых волках // Известия. 1994. 23 апреля.

корпоративный, но базирующийся на рынке и частной собственности строй не создать.

Здесь и коренится ответ на третий вопрос, который хотелось затронуть в связи с аргументами отечественных "авторитаристов". Оппоненты спрашивали их: почему вообще авторитарный режим (паки такой возможен) должен "работать" на рыночную реформу? Ни человеческие качества, ни, что важнее, социально-сословные характеристики того "материала", из которого он реально строится в начале переходного периода, отнюдь не делали такое долженствование самоочевидным. Апелляция к доброй и просвещенной воле благодетельного автократа как вариант ответа выглядела совсем уж наивной.

Жириновский и этой проблеме нашел убедительное решение. Действительно, "аппарат" не должен и не будет создавать рынок (а будет, в лучшем случае, симулировать такое "созидание") до тех пор, пока из процесса общественного (экономического, культурного, нравственного, институционального) разложения не выкристаллизуется такая *сила бизнеса*, которая, стремясь к собственному привилегированному положению, будет готова обеспечить "аппарату", в качестве союзника по выстраиванию новой системы, стабильное и тоже привилегированное положение. То, что это будет авторитарно-корпоративная и *в то же время* рыночная система, может удивлять лишь отечественных либералов и уж совсем ортодоксальных либертарианцев. Конечно, это будет рынок совсем не "равных возможностей", а существенно иерархический — вплоть до разных правил игры на разных его этапах и институционально закрепленных возможностей угнетения высшими иерархическими порядками низших. Это будет рынок не "свободной конкуренции", а выраженно олигополистический, с доминированием симбиотических форм власти и собственности. Абстрактно говоря, эффективность такого рынка — с точки зрения обеспечения технологического прогресса или мировой конкурентоспособности продукции с высокой долей добавленной стоимости, — конечно, очень сомнительна. Но абстрактная эффективность — предмет размышлений наукообразных экономистов. С точки же зрения *конкретной эффективности*, отвечающей на вопрос: "эффективность для кого?", данная конструкция обещает быть весьма эффективной.

"Жириновское решение" проблемы рыночной реформы не должно восприниматься отечественными либералами как очередной "незаконный" эксперимент. Оно есть естественное (без кавычек) следствие действия этих самых "естественноисторических" законов именно потому, что любой рынок, хоть чем-то похожий на "свободный", есть продукт не экономических процессов самих по себе, а социальных процессов, т.е. результат определенной расстановки и борьбы общественных сил.

Не нужно быть большим знатоком экономической теории, чтобы принять вывод Э. Бем-Баверка (или соответствующие заключения И. Шумпетера, К. Маркса, Дж.М. Кейнса и др.) о том, что "свобода действий" капиталистического предприятия ходом его развития "превращается во власть и господство", разрушающие "равновесие частного хозяйственного порядка" (в нашем случае — не позволяющие ему вообще сложиться), так что "учение о свободе оказывается

неприменимым...".* Не требуется большой искусственности в логике деятельности частного капитала, чтобы понять: монополистическая позиция всегда предпочтительнее с точки зрения максимизации выгоды, и к ней будут стремиться *любыми* средствами, поскольку издержки, связанные с таким стремлением, не перевешивают ожидаемые выигрыши. Сраживание с властью, с этой точки зрения, было и остается идеальной ситуацией для частного капитала, поскольку такая цель лежит для него в горизонте достижимости. Не обязательно быть "верным марксистом", чтобы оценить глубину мысли Маркса о том, что имманентные законы капитала, *дабы быть действительными*, должны быть *навязаны* ему как "внешняя необходимость"**. Это навязывание и достигается прежде всего как исход социально-политической борьбы при определенном соотношении сил, о чем свидетельствует, в частности, история всего антимонополистического законодательства на Западе, начиная с американского закона Шермана конца прошлого века***. Но схожие в *логическом плане* свидетельства можно почерпнуть и из эпохи демонтажа меркантилистской системы, и из эпохи "первоначального накопления"...

Здесь и выясняется неприятная для отечественных либералов вещь: Жириновский в действительности и относительно действительности есть то, что они есть в фантазии и относительно фантазии. Жириновский, как и они, верен эконом-либеральной логике частного интереса, но в отличие от них не фантазирует, будто этот интерес (уже) есть экономический интерес. Они не видят и не понимают проблемы превращения частного интереса в производительный экономический интерес. Для Жириновского вообще не существует этой проблемы. Он берет российскую действительность, как она сложилась — спонтанно и "естественно", и соответственно действует. Тут-то и выясняется: национал-либерализм Жириновского во всех его уродливо-гротескных формах есть единственное реальное воплощение фантазий эконом-либерализма. Последний либо живет, но "по Жириновскому", либо мечтает, но в исполнении бывших "властителей дум". Третьего, оказывается, не дано. Или так: третье может быть найдено, если российскую действительность экономический либерализм и его политическая теория описывают неточно, причем не только как наличное состояние, но именно как тенденцию и перспективу движения. Если это так, то политике Жириновского можно найти демократическую альтернативу. В противном случае это очень маловероятно. Результаты выборов 12 декабря поставили данный вопрос ребром. Либеральная публика (политические практики и идеологи) испытали шок. Они начали думать, кое-что пересматривать, но обдумывают не тот вопрос, который был сформулирован выше.

Вскоре после 12 декабря, по свежим следам которого Е. Гайдар, несмотря на утешения симпатизирующих комментаторов и публицистов, имел мужество заключить: "...выборы мы проиграли"****, в рос-

* *Бем-Баверк Е.* Основы теории ценности хозяйственных ценностей — В кн.: Австрийская школа в политической экономии. М, 1992. С. 482.

** *К. Маркс.* Экономические рукописи 1857—1859 годов // Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. 46. Ч. 2. С. 276.

*** Подробнее см.: *Капустин Б.Г.* Крах иллюзий или драма борьбы // Рабочий класс и современный мир. 1990. № 3. С. 25—26.

**** *Гайдар Е.* Это решение — чисто политическое // Известия. 1994. 20 января.

сийский либерализм ворвалась тема, которая до того, в лучшем случае, едва обозначалась на его далекой периферии. Она быстро получила разные вариации, но суть их была одна — срочно нужна Идея.

Самокритика либерализма в части идеологической (самокритика в области экономической, социальной и т.д. — особая тема, но примечательно, что, поскольку в этих областях прежние подходы рассматривались как, в основном, правильные, главный упор был сделан именно на идеологическое направление) выявила следующие ключевые моменты, объясняющие, с точки зрения либералов, декабрьское фиаско.

Первое. Как выразила эту мысль М. Салье, "отсутствие этического наполнения в деятельности правительства Гайдара и, соответственно, в программе правительственного блока "Выбор России" — одна из самых главных, если не главная, ошибка этого блока, как, впрочем, и всех других блоков, так или иначе причислявших себя к демократическим". Это означает, что либералы не смогли заполнить "духовный вакуум", образовавшийся после падения коммунизма и его идеологии. Лозунг "наша цель — свободный рынок" бессилён решить эту проблему. Необходима идея, в центре которой человек, а не рынок*.

Второе. Политически эффективная идеология не может быть построена на потребительских ценностях. Дело не только в том, что в обнищавшей России они воспринимаются массами, по выражению Гайдара, как "издевательство"*** (вспомним по контрасту более ранние соображения либералов об "идеологии магазинных прилавков"). Не менее важно (или более важно?), что такие ценности не могут сплотить, мобилизовать, развить деятельную волю слоев, в принципе поддерживающих курс реформ, побудить их отвергнуть, возможно, выгодные, с точки зрения ближайших интересов, требования "бюрократических лоббистов". Меж тем в условиях происходящей борьбы "мобилизовать... волю россиян абсолютно необходимо"****.

Третье. Опираясь на частные интересы, оказывается в современной России вообще нельзя проводить государственную политику. Вероятно, самый последовательный российский монетарист Б. Федоров, став депутатом Госдумы, обнаружил: "граждан России нет — есть только граждане ВПК, АПК, Метровагонмаша и иже с ними (видимо, и МММ, "Хопер-инвеста", "Олби-дипломата"... — Б.К.). Никто не хочет особенно конфликтовать; защита России от развала в прямом и любом другом смысле не является актуальной"*****.

По этим причинам российский либерализм как-то вдруг озаботился ранее совершенно чуждыми ему проблемами "сверхидеи", "новой мощной интегрирующей идеи", "мощной социальной, политической воли" и т.п. Без решения этих проблем "остановить Жириновского" (и коммунистов) уже не представлялось возможным.

В опасениях "постдекабрьских" российских либералов авторитарного исхода рыночных реформ можно угадать эмпирическое нащупы-

* Салье М. Катастрофа либеральных принципов // Независимая газета. 1994. 24 марта.

** Гайдар Е. Фашизм и бюрократия // Сегодня. 1994. 15 июня.

*** Гайдар Е. Новый курс // Известия. 1994. 10 февраля.

**** Федоров Б. Какое государство в суверенной России? // Известия 1994. 15 июня.

вание "проблемы Гоббса", а в их рассуждениях о необходимости мощной мобилизующей идеи — апелляцию к гражданственности, увязывающей частный интерес с общественным. Все это могло бы привести российский либерализм к фундаментальному для него открытию, обусловливающему пересмотр стратегии реформ: рынок — не спонтанно возникающая и не базисная реальность общественной жизни; сам он определяется и делается возможным благодаря некоторым социокультурным порядкам. Культурно-исторический и структурно-аналитический подходы соотносятся не так, что первый отмечает уникальные черты отдельной страны, лишь накладывающие своеобразие на проявление тех "аналогий между различными странами на сходных этапах их развития", которые обнаруживает второй подход, в силу чего он имеет приоритет как инструмент познания и выработки политического курса*. Напротив, культурно-исторический подход призван раскрыть *общую закономерность* обусловленности становления рыночного порядка социокультурными факторами, а затем обнаружить специфику их содержания и(или) способов их возникновения в той или иной стране.

В отношении Запада, поскольку его опыт не только в воззрениях отечественных либералов, но и, так сказать, "объективно" чрезвычайно важен для России, это означало бы понять как минимум следующее.

Во-первых, нужно было бы понять роль в образовании современного рынка той "социальной моральности", которую Ф. Хирш считал "подструктурой экономического индивидуализма", видя в ней "наследие докапиталистического и доиндустриального прошлого"**. Наличие и действенность такой "социальной моральности" (при всех фактических нарушениях ее) и позволяли Локку приходиться к выводам о том, что "личная польза каждого человека не является основанием закона природы" (но это не означает их несовместимости), что "нравственность действия не зависит от пользы, но польза является результатом нравственности"***, т.е. делать те заключения, которые уже для раннего утилитаризма просто невозможны.

Во-вторых, следовало бы уяснить, в чем специфика основных социокультурных типов людей в эпоху формирования институциональной структуры капиталистического рынка и какую роль они сыграли в этом процессе. Речь идет, с одной стороны, о том самостоятельном и самостоятельном производителе товаров и услуг, который выступал "модельным персонажем" раннего либерализма, носителем моральной автономии и политической независимости, обобщенный образ которого отражен в трудовой теории стоимости Локка и его категориальном определении собственности: "...каждый человек обладает некоторой *собственностью*, заключающейся в его собственной *личности*, на которую никто, кроме него самого, не имеет никаких прав. Мы можем сказать, что *труд* его тела и *работа* его рук по самому строгому счету принадлежат ему"****. О

* Подробнее см.: *Ослунд А. Шоковая терапия. М., 1994. С. 43 и далее.*

** *Hirsh F. Social limits to Growth. — Cambridge (Mass). Harvard Univ. Press, 1976. P. 117—118.*

*** *Локк Дж. Опыты о законе природы // Дж. Локк. Собр. соч.: В 3 т. Т. 3. М., 1988. С. 48, 53.*

**** *Локк Дж. Два трактата о правлении // Там же. С. 277.*

том, какое политическое значение для борьбы за свободу имел этот социокультурный тип собственника, можно судить хотя бы по сознательному выбору Т. Джефферсоном будущего Америки в качестве "аграрно-сырьевого придатка" промышленной Европы, дабы только сохранить республиканский дух народа, коренящийся в этом социокультурном типе*. С другой стороны, и доминировавший в рассматриваемую эпоху (по исследованиям В. Зомбарта, вплоть до конца XVIII в.) тип буржуа не мог быть даже в теоретической абстракции сведен к homo economicus и носителю формальной рациональности**. И вновь самим развитием капитализма эти типы были упразднены или редуцированы к маргинальности, но каркас институциональных структур и в политике, и в экономике был создан ими.

В-третьих, необходимо было бы раскрыть, какую роль не только в формировании политической гражданственности, но и в институциональном развитии и системной интеграции становящегося современным общества сыграла, пользуясь терминологией Ю. Хабермаса, "буржуазная публичная сфера" кануна и эпохи Просвещения, в которой частные индивиды образовывали *публику* в результате "публичного применения своего разума"***. Позднейшие сужение и эрозия этой сферы, ее превращение по преимуществу в сферу производства образов для "культурного потребления" и манипуляции общественным мнением тем не менее не помешали тому, что важнейшие продукты раннелиберальной публичной сферы — идеи и принципы, сфокусированные на ценностях свободы, равенства, справедливости, — продолжают жить в институциональной организации западных обществ не только вопреки господству инструментальной рациональности, иерархизации и аккумуляции власти, но и модифицируя эти тенденции и явления, адаптируя их к условиям демократического общества****.

В-четвертых, необходимо учитывать роль таких форм ассоциации людей, как (пользуясь гегелевскими понятиями) "сословия" и "корпорации", которые не только агрегировали, выражали, отстаивали особенные совместные интересы их членов, но (и это первостепенно важно) создавали возможность гражданского политического действия, самого существования "народа" в отличие от "множества" как "бесформенной массы". Они возвышали особенный интерес до

---

* *Джефферсон Т.* Заметки о штате Вирджиния // *Американские просветители.* Избр. пр.: В 2 т. Т. 2. М, 1969. С. 75.

** *Зомбарт В.* Буржуа: очерки по истории духовного развития современного предпринимателя. Пг., 1917. С. 52 и далее.

*** *Habermas J.* The Structural Transformation of the Public Sphere. — Cambridge (Mass). MFG Press, 1989. С 27.

**** Весьма показательно, что у Э. Даунса такие нормы и институты политической жизни, как "один человек — один голос", фиксированная периодичность выборов, конституционные гарантии свободы слова и т.д., принципиально не выводятся из "базовой аксиомы" "экономической теории демократии", в качестве которой выступает "рациональное поведение, в первую очередь ориентированное на эгоистические цели". Эти институты и нормы являются именно продуктами и наследием раннелиберальной "публичной сферы" *par excellence* и выступают той предзаданной матрицей, в которую укладывается эгоистическое поведение индивидов. Благодаря этому функционирует вся система (*Downs A.* An Economic Theory of Democracy. N.Y. Harper, 1957. P. 18—19, 27, 30).

всеобщего, создавали дух, в котором "содержится *непосредственное укоренение особенного во всеобщем*", причем таким образом, что само государство выступает "средством сохранения особенных, целей"*. Одно из противоречий гегелевской теории "современного государства" состоит в том, что *эмпирически* он сам наблюдает "упразднение" корпораций (во всяком случае, в прежнем их значении и функциях) в "новейшее время", меж тем как именно для порожденных этим временем условий необходимость предоставить человеку, "кроме его частной цели, и деятельность всеобщую" теоретически выступает с особой настоятельностью**.

Есть ли в нынешней России эти или адекватные им культурно-исторические предпосылки? Могут ли они чем-то быть компенсированы? Ответы на эти вопросы требуют теоретического новаторства и практического экспериментирования: необходимо обнаружить специфически российский способ осуществления определенной универсальной закономерности. И именно здесь "постдекабрьский" российский либерализм обнаруживает свою главную слабость.

В высшей мере показательным в этом отношении представляется доклад Е. Гайдара на Учредительном съезде партии Демократический выбор России в июне 1994 г., который можно считать классическим проявлением "постдекабрьского" российского либерализма.

С одной стороны, Гайдар достаточно точно фиксирует центральное противоречие современного этапа российского развития: "У государства уже нет сил для того, чтобы обеспечить экономический рост (может быть, вернее сказать о социальном возрождении в целом? — Б.К.), у общества еще нет предпосылок для того, чтобы генерировать этот рост из себя"***. В числе таких важнейших отсутствующих предпосылок называются традиции правопорядка в условиях демократии, культурные традиции, "оправдывающие" отношения частной собственности, привычки к общественной самоорганизации, устойчивые социальные структуры... Каким же образом разрешить это противоречие? Что для этого нужно понять и как действовать?

С другой стороны, оказывается, ничего нового понимать не нужно. "Компоненты" возможного в России "экономического чуда", которое само есть дело вполне "технологическое", "достаточно ясны и очевидны. Они очень просты": стабильность национальной валюты, стабильность порядка и права, открытость экономики, низкие военные расходы, высокие частные инвестиции и т.д. **** Все это настолько очевидно и так давно известно, что едва ли нуждается в повторении. Остаются лишь некоторые вопросы. Почему все эти очевидности не удалось реализовать за три года после падения коммунизма, в том числе — за период пребывания самого Гайдара руководителем Правительства? Как связано осуществление всех этих "компонентов" с созданием тех культурно-политических предпосылок, отсутствие которых и обусловило зафиксированное Гайдара ром центральное противоречие российской жизни? Самое поразительное

* Гегель. *Философия права*. М., 1990. С. 344, 330.

** Там же. С. 277.

*** Стенограмма доклада Е. Гайдара на Учредительном съезде партии "Демократический выбор России" 1994. Июнь.). С. 13.

**** Там же С. 16.

тельное для политического доклада — отсутствие какого-либо намека на то, *кто* (т.е. какие группы, силы, слои...) будет реализовывать эти "компоненты" или хотя бы заинтересован в такой реализации. Об этом особенно важно было бы узнать, учитывая многократно подчеркнутые Гайдаром неэффективность и недееспособность Российского государства, из чего ясно: этим делом оно в любом случае (т.е. и в случае прихода к власти Демократического выбора России) заниматься просто не сможет.

Впечатляющей выглядит и стратегия действий российских либералов. Многообразным и "испытанным" приемам действий противников реформ они противопоставляют одно: просвещение народа. Гайдар заявил: "Мы можем противопоставить этому (оружию противника. — *Б.К.*) только одно — правду. Но для того чтобы донести эту правду до российского общества... для того чтобы она не осталась только нашей правдой, а стала правдой общества, нам нужна эффективная сильная серьезная политическая организация. Именно для этого мы и создаем^{*}."

Оказывается, та "мощная интегральная Идея", о которой заговорили либералы после декабря 1993 г., вовсе не мыслится обладающей конструктивистской функцией, описанной в начале данного эссе. Она вообще не мыслится социологически. Эта Идея — лишь сумма банальных очевидностей, которые нужно втолковать, используя "серьезную политическую организацию", не разумеющим своего блага россиянам.

Действительно, нельзя сказать, чтобы такая стратегия была оригинальной. Более того, ее тщательнейшим образом "обкатал" еще XVIII в., потому и названный веком Просвещения. Пожалуй, наиболее известным усилием в этом направлении была попытка Д. Дидро убедить своего воображаемого оппонента — "жесточкого мыслителя" (пришедшего к выводу, что рациональный эгоизм требует лишать жизни тех, кто противится его счастью, но в то же время признать за другими право при возможности покончить с ним самим) в необходимости согласования его частной воли с "общей волей" других. Такое согласование отвечает собственным, но правильно понятым, интересам самого "жесточкого мыслителя". Достигается же оно (т.е. общая воля выявляется) "чистым актом разума, который размышляет, меж тем как страсти молчат..."^{**}. Правда, Дидро не пришел к пониманию того, что в подобных размышлениях должна помочь "серьезная политическая организация".

Однако уже современник Дидро Ж.-Ж. Руссо выявил другую и, как представляется, более существенную слабость приведенных выше рассуждений. Дело в том, что страсти не могут молчать, даже когда размышляет разум. У Руссо тот же "жесточкий мыслитель" ("независимый человек") на призыв согласовывать его частную волю с "общей волей" отвечает: "Прекрасно вижу и признаю, что это — тот принцип, с которым могу я сообразоваться; но я не вижу еще... причины, по которой я должен подчиняться этому принципу.

---

* Стенограмма доклада Е.Гайдара на Учредительном съезде партии "Демократический выбор России". С. 25.

** *Дидро Д.* Естественное право // *Дидро Д.* Избр. пр. М.-Л., 1951. С. 348.

это — тот принцип, с которым могу я сообразоваться; но я не вижу еще... причины, по которой я должен подчиняться этому принципу. Дело не в том, чтобы научить меня тому, что есть справедливость, дело в том, чтобы показать, какая польза для меня в том, чтобы быть справедливым". Неясно именно то, "почему его личная выгода требует, чтобы он подчинился общей воле?"*. И это был теоретический конец Просвещения, наступивший задолго до его "практико-политического" конца. Однако Россия, как видим, и здесь исключение.

Своей полемикой с Дидро Руссо показал "всего лишь": если человек руководствуется только частным интересом и (инструментальным) разумом, и если моральные чувства и законы нельзя считать "врожденными" и полагаться на их "прямодействие" (а если можно, то не нужны и "наставления", и вся проблема пропадает как таковая)**, то установить правопорядок, обеспечивающий равную свободу каждому, невозможно. Вернее, возможно, но только путем того, что человек, оставаясь частным лицом с особой волей, обретает новую ипостась своего бытия, т.е. становится гражданином, который обладает "общей волей"***.

Описываемые Руссо способы обретения человеком этой гражданской ипостаси (т.е. сам "общественный договор" с необходимой ролью богоравного Законодателя) и методы устранения возможных сбоев в этом деле (т.е. знаменитое принуждение силой "быть свободным"****) всегда представлялись либералам и нереальными, и порочными в нравственно-политическом отношении. В этом они правы, но нельзя упускать следующее: Руссо пытается осмыслить ту предельную современную ситуацию, в которой недопустимо брать за "данность" и "самоочевидность" культурно-исторические предпосылки, и прежде всего нравственную "инфраструктуру" общества, обеспечивавшие избавление от "проблемы Гоббса" для таких либералов, как Локк или Смит. В таком способе постановки проблемы создания правопорядка свободы, но не в ее решении, — релевантность Руссо для нынешней российской ситуации. Значимы и общая направленность поиска ответов — "выработка" гражданского измерения существования человека и общества, — и предупреждение: упования на просвещение, на молчание страстей при размышлениях разума иллюзорны. Какой же может быть логика поиска стратегии "выработки" гражданского измерения в подобной ситуации, если "просветительский вариант" ее заведомо обречен?

Первый шаг на этом пути целесообразно сделать вместе с И. Кантом. Именно его дихотомия ноуменального и феноменального миров, "чувствуемой и усматриваемой необходимости" позволяет войти в проблематику ситуации, в которой нравственное должностное существование не является не только детерминантой, но и само собой разумеющейся составляющей

---

* Руссо Ж.-Ж. Об общественном договоре, или Опыт о форме Республики. (Первый набросок) // Ж.-Ж. Руссо. Трактаты. М., 1969. С. 308, 309.

** Там же. С. 308.

*** Там же. С. 313.

**** Руссо Ж.-Ж. Об общественном договоре, или Принципы политического права // Ж.-Ж. Руссо. Трактаты. М., 1969. С. 179—182, 164.

исходить, хотя, быть может, никогда не происходит"*). Поэтому к политике, целиком находящейся в феноменальном мире, оправдан подход, общей презумпцией которого является *практическое бессилие* общей воли, имеющей свою основу в разуме.

Возможно ли в этих условиях создание общественного порядка, который бы обеспечивал правовую ("внешнюю") свободу человека? Да, отвечает Кант, если подходить к решению этого вопроса как к использованию "механизма природы" применительно к людям, а не как к делу их "морального совершенствования". Проблема хорошо устроенного государства разрешима даже для "дьяволов" (если они обладают рассудком). Для этого нужно "так организовать их устройство, чтобы, несмотря на столкновения их личных устремлений, последние настолько *парализовали друг друга*, чтобы в публичном поведении людей результат был таким, как если бы они не имели подобных злых устремлений"**. Следовательно, суть первого шага в том, чтобы создать такую *систему равновесия* сил "дьяволов", в которой они сдерживали бы друг друга, взаимно не позволяя творить зло при преследовании собственных эгоистических интересов.

Абстрактно говоря, такое положение, если под "дьяволами" понимать в первую очередь элитные группировки, реально способные творить социальное зло, должно было бы привести к выработке ими некоторых взаимоприемлемых "правил игры" как основы упорядоченных политических процедур и правовых взаимоотношений. В терминах современного обществоведения такое действие именуется "пактом" ключевых политических акторов и рассматривается в качестве важной или даже предпочтительной формы начала процесса строительства правового и демократического государства***. Политический опыт свидетельствует, что в ряде стран, расстававшихся с авторитаризмом, процесс шел именно таким путем, хотя в каждом случае вставал вопрос о конкретных факторах, способствовавших склонности элитных группировок к компромиссам, стабилизации их взаимоотношений и, главное, обязательности выполнения ими достигнутых соглашений. В этом плане неоднократно отмечалась роль давления "низов", хотя в тех или иных случаях оно оказывалось контрпродуктивным. Однако ситуация в России представляется более сложной, вновь приближающейся к предельным теоретическим вариантам. Отвлекаясь от других факторов, отмечу один, имеющий здесь центральное значение.

"Пакт" подразумевает частичную "деприватизацию" государства, по крайней мере в смысле слома его узурпации частным интересом

---

* Кант И. Критика чистого разума. М., 1994. С. 470.

** Кант И. К вечному миру // И.Кант. Соч.: В 6 т. Т. 6. М, 1965. С. 285—286.

*** Подробнее анализ "пакта" под этим углом зрения см.: G. O'Donnell and Ph. C. Schmitter. *Transitions from Authoritarian Rule. Tentative Conclusions about Uncertain Democracies.* — Baltimore. The Johns Hopkins Univ. Press, 1986. Ch. 4.

Демократический эффект "пактов" никак нельзя преувеличивать. Как пишут Г. О'Доннелл и Ф. Шмиттер, "они имеют тенденцию уменьшать состязательность и конфликт (между элитами. — Б.К.); они стремятся ограничить ответственность перед широкой публикой; — они пытаются контролировать выдвижение проблем в политическую "повестку дня"; они сознательно искажают принцип равенства граждан". (Ibid. P. 38.)

властвующей авторитарной клики или расширения круга контролирующих его интересов. Но в России превращение государства в пространство публичного действия (в отличие от того, чем оно является сейчас, а именно — сферой, в которой частные интересы реализуются с помощью особо сильнодействующих средств) крайне затруднено. Одним из нежелательных последствий развала коммунистического строя было то, что власть, пользуясь выражением Х.Арендт, оказалась в руках лиц и группировок в "их частном качестве, и не было пространства, установленного для них в качестве граждан"* . Государство подверглось колонизации со стороны частных интересов и разделу на сферы их влияния, что уже делает невозможным институциональное разделение властей.

При таком положении само собой происходящее установление равновесия частных интересов "дьяволов" маловероятно или затянется на столь долгий срок, что распад государственности может стать необратимым. Поэтому трудно разделить оптимистическую телеологию Канта, утверждавшего, что "природа неодолимо *хочет*, чтобы право получило в конце концов верховную власть. То, что в этом отношении не сделано, совершится в конце концов само собой, хотя и с большими трудностями"***.

Если сама собой, в соответствии с желанием природы данная проблема не разрешима, следовательно, необходимо политическое действие. Здесь должно произойти "вторжение эмпирики" в логику либерально-демократической реформации России и ее эксперимент. Здесь же — первое обнаружение "конструктивистской" функции идеи.

"*Вторжение эмпирики*" необходимо потому, что логически равновесие частных интересов не выводимо из их взаимной борьбы. Как показал еще Руссо в полемике с Гоббсом, из "частной войны" человека с человеком логически выводятся только отношения господина и раба, но отнюдь не правителя и граждан***. С точки зрения этой логики, равновесие частных интересов есть нечто *случайное*, возникающее в силу специфических обстоятельств. Задача в том, чтобы следствия такого случайного стечения специфических обстоятельств превратить в закономерность следующего этапа общественной жизни, институционально закрепив их.

"Конструктивистская" функция идеи проявляется здесь в том, чтобы, во-первых, раскрыть возможность такого превращения и представить ее людям, прежде всего "низам", как *цель*; во-вторых, понять конкретные условия создания ситуации равновесия в данный период в данной стране (какие элитные группы и по каким вопросам ведут борьбу, каковы применяемые в ней средства и соотношение сил, как можно влиять на ход этой борьбы в целях достижения равновесия) и показать "низам" возможные методы их воздействия на положение элит во имя достижения такой формы компромисса, которая открывала бы перспективу дальнейшей демократизации; в-третьих, обеспечить идеологические механизмы политической мобилизации "низов" ради достижения указанной цели.

* *Arendt H. On Revolution. N.Y. The Viking Press, 1965. P. 256.*

** *Кант И. К вечному миру // И.Кант. Соч.: В 6 т. Т. 6. М., 1965. С. 286.*

*** *Руссо Ж.-Ж. Об общественном договоре, или Опыт о форме Республики. (Первый набросок) // Ж.-Ж. Руссо. Трактаты. М., 1969. С 323.*

Экспериментальность данного предприятия заключается в том, что необходимо добиться достаточно эффективного, но не срывающегося в "бунт черни" воздействия "низов" на элитные группировки при крайне слабом развитии структур гражданского общества и, более того, их подавлении ходом происходящих экономических и (анти-) культурных процессов. Экспериментальность обуславливается и другой необходимостью: сделать акции элитных группировок в сфере государственности хотя бы минимально видимыми широкой публике в условиях эффективной блокировки информационных каналов и практически полной недееспособности судебной власти, не говоря уже о фактическом отсутствии ряда ее ключевых звеньев (чего стоит хотя бы то, что ни одно крупное "дело", привлекшее общественное внимание, начиная с августовского путча и "дел" Тарасова и Фильшина и вплоть до октябрьской трагедии и обвинений в адрес А. Руцкого, не было доведено до оглашения официального вердикта).

Верно ли сказать, что неблагоприятные условия и невыводимость из существующей теории форм проведения такого эксперимента делают его заведомо обреченным? Думаю, что нет. Достоверность прогнозов базируется обычно на инерционности отслеживаемых процессов, меж тем как в данном случае речь идет как раз о творческом создании таких условий, которые нарушают и без того не слишком устоявшийся инерционный ход дел.

Разве слом коммунистических режимов давал более благоприятные обстоятельства для демократического политического действия? Разве в тот период не были новаторски придуманы и созданы альтернативные официальным каналы информации, которые превращали задавленную атомизированную массу в политически дееспособный народ? Разве жалкое состояние "экономического" гражданского общества не было компенсировано тем "моральным" гражданским обществом, которое получило (пусть на непродолжительный, но политически решающий период) свои наиболее зрелые воплощения в польской "Солидарности", чешском "Гражданском форуме", литовском "Саюдисе"... Ничего этого научной теорией предусмотрено не было и *не могло быть* предусмотрено. Потому и горький упрек ей, брошенный А. Пжеворским, — 'осень народов (1989 года. — Б.К.) явилась обескураживающим провалом политической науки'* — есть, конечно, верная констатация факта, но ложное обвинение в отсутствии у науки той способности, которой она в принципе не может обладать в ситуациях народотворческого процесса "смены парадигм" общественного развития.

Априорный отказ от эксперимента, обосновываемый его "научно" доказываемой невозможностью, есть результат не собственно научного анализа общественной жизни (ибо он, сохраняя верность опыту истории, должен был бы по крайней мере предсказать возможность возникновения непредсказуемых ситуаций), а определенной социальной позиции и роли интеллектуалов, которые можно охарактеризовать как предательство "шанса свободы", учитывая ключевое значение интеллигенции в создании

---

* *Przeworski A. Democracy and the Market. Cambridge. Cambridge Univ. Press, 1991. P. 1.*

условий для эксперимента и его проведении. Речь идет о редукции интеллигенции к позиции и роли эксперта и утрате ею способа бытия социального деятеля.

Драматизм нынешней российской ситуации заключается в порочном круге, образуемом апатией и экспертными доказательствами интеллектуалов невозможности нового демократического эксперимента, тогда как его действительная невозможность обусловлена прежде всего этой апатией и редукцией ведущей части интеллектуалов к позиции и роли эксперта. *Без восстановления интеллигенцией функции социального деятеля, как это она неоднократно делала в российской истории, в том числе и недавней, эксперимент не состоится.*

Последующие шаги на пути к либерально-демократическому строю возможны в той мере и тогда, в какой и когда сделан первый шаг. В отличие от него они дедуцируемы теоретически, и поскольку такая дедукция должна быть ясна из всего предыдущего изложения, в данном месте можно ограничиться лишь резюмированием существа дела.

Главным политическим следствием первого шага является установление равновесия сил "дьяволов". Они тем самым (вспомним Канта) парализуют друг друга. Это состояние парализации есть искомый политический кризис, но, так сказать, не "объективный", описываемый в терминах распада государственных структур, недееспособности органов управления, столкновения властвующих групп и т.д. — все это может быть безразлично для "дьяволов" или даже соответствовать их интересам. Речь идет о "субъективном" кризисе, т.е. о таком, который осознается "дьяволами" как невозможность удовлетворения их эгоизмов какими-либо способами, пока сохраняется прежняя форма их взаимоотношений. Имеются в виду не институты и законы, ибо они, будучи "приватизированы", не имеют самостоятельного значения, а та форма, в которой частные интересы выступают только как частные интересы без опосредований и выражений в чем-то ином, что позволяет так регулировать их конфликт, чтобы они могли осуществляться, а не быть парализованными.

Такой политический кризис вызывает субъективное стремление "дьяволов" изменить форму их взаимоотношений, перевести конфликт в иную плоскость, в которой данный частный интерес соотносился бы с некоторыми всеобщими условиями реализации частных интересов вообще, в том числе и данного. Но это и есть ответ на вопрос. "независимого человека" Руссо, в чем его личная выгода, чтобы быть справедливым и подчиниться общей воле. Это и есть то самое гегелевское "непосредственное укоренение особенного во всеобщем", которое создает *гражданское* измерение человеческого существования и дает необходимую основу *праву*.

Разумеется, речь идет не о той *добродетельной* классической республиканской гражданственности, которая строится на подчинении или даже подавлении частного интереса общественным благом и которую Н.Макиавелли выразил своим незабываемым афоризмом о большей озабоченности граждан "спасением отечества, чем своей души"*.

Напротив, я имею в виду современную, либеральную гражданственность, которая делает частный интерес практически осуществимым, по-

---

* Макиавелли Н. История Флоренции. М., 1987. С. 112.

сколько он становится чем-то большим, чем только частный интерес, и обретает новую — гражданскую — ипостась соотнесенности с универсальными политическими и правовыми условиями существования общества субъективной свободы. Можно сказать, что необходимость либеральной гражданственности есть необходимость *функциональная*, вытекающая из решения задачи создать предпосылки для осуществления многообразных и конфликтных частных интересов, причем решения, альтернативного авторитарному варианту.

Либеральная гражданственность исходит из неустранимости противоречия между двумя ипостасями бытия современного человека как частного лица и как гражданина. Более того, она полагает это противоречие *продуктивным* для всего общественного развития, тогда как неспособность удержать данное противоречие, подавление одной из его сторон — будь то в пользу гражданина или частного лица — ведет, хотя разными путями, к политическому авторитаризму и культурной деградации. Именно в таком понимании рассматриваемого противоречия, а отнюдь не во второстепенных по отношению к нему суждениях о "принуждении к свободе" или миссии Законодателя суть расхождений либерализма и Руссо. Для последнего достижение счастья и свободы предполагало как раз преодоление противоречия "между человеком и гражданином. Сделайте человека чем-нибудь одним, и вы сделаете его счастливым, насколько это для него возможно. Отдайте всего человека государству или же предоставьте полностью самому себе, но если вы делите его сердце на части, оно разрывается..."*

Функциональное понимание либеральной гражданственности, включая ее институциональные и правовые воплощения, важно и в другом отношении. Можно ли о раз возникших таким образом институтах и системах права сказать, что они либерально-гражданственны "по своей природе", как бы независимо от меняющихся обстоятельств общественной жизни? Видимо, нет. Нравственная субстанция народного духа, писал Гегель, есть "обособленная от себя и ограниченная, и ее субъективная сторона *отягощена случайностью*, представляет собой бессознательный обычай и в то же время сознание своего содержания как *существующего конкретного во времени и в отношении к внешней природе и миру*"** (Курсив мой. — Б.К.)

"Нравственная субстанция" либеральной гражданственности также "отягощена случайностью". Она собственно и является таковой не сама по себе, а лишь исполняя описанную выше функцию по отношению к *данной* констелляции частных интересов с их определенным *данным* содержанием в их конкретных *данных* соотношениях. Если все эти данности меняются, то существующие институты и системы права могут оказаться не способными далее исполнять эту функцию. Урок Гегеля в том, что универсальное и необходимое существует только в особенном и случайном "материале" и посредством него. Может быть, данности современных западных обществ, если в чем-то социально-политические концепции постмо-

---

* Руссо Ж.-Ж. Фрагменты и наброски (О счастье народа) // Ж.-Ж. Руссо. Трактаты. М., 1969. С. 429—430.

** Гегель. Философия духа. Энциклопедия философских наук. М., 1977. Т. 3. С. 371.

дернизма адекватны действительности, изменились настолько, что существующие либеральные институты утрачивают способность опосредовать частные интересы с их новым содержанием и в их новых соотношениях, и перед лицом растущей социальной фрагментации Запад столкнется с необходимостью заново (хотя опираясь на свое наследие) вырабатывать либеральную гражданственность и ее нравственную субстанцию?

"Конструктивистская" функция либеральной идеи на этапе этих завершающих шагов перехода к либерально-демократическому строю состоит в том, чтобы разработать адекватную российским условиям концепцию либеральной гражданственности и обеспечить ее общественную поддержку. Эта функция предполагает также, что будет предложен проект-схема институционального воплощения либеральной гражданственности, соответствующего особенному и "случайному" "материалу" России. На тех этапах продвижения к либерально-демократическому строю, о которых сейчас идет речь, это будет уже не "просветительство" и прожектерство, но интеллектуально-духовное удовлетворение вызревших общественных потребностей. Либеральная идея окажется уже не пустым стремлением перескочить пропасть между желанием и его предметом, а политически и социологически конкретизированной программой действий.

Пока же мы находимся в смутном времени, когда еще уместно, как хочется верить, писать хотя бы пролегомены к ней.